

**Василий
Аксенов:**

ОСТАЮСЬ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Василий Аксенов живет в городе Вашингтоне, округ Колумбия, на улице Лин-гэн-роуд, небольшом отростке проспекта Фекс-холл весьма фешенебельного района американской столицы. Аксенов живет в Соединенных Штатах десять лет. Год назад получил американское гражданство, а на дних наше государство возвратило ему гражданство СССР. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын.

Я приехал к Аксенову, чтобы проинтервьюировать его в связи с этим событием.

— Ну как, принимаете поздравления? — спросил я писателя, включая диктофон.

— Да, принимаю, звонят постоянно. В моем университете (Аксенов преподает в университете Джорджа Мэйсона) меня поздравила профессура, актеры нашего театра. Поздравили весело, с шутками.

— Василий, когда я задавал вопрос, я имел в виду не столько «принимаете», сколько «приемлете». Каково ваше внутреннее ощущение?

— В общем-то это несколько запоздалая акция. Но лучше поздно, чем никогда. Мы давно ее ждали. Ее отсутствие шло в полный разрез с тем, что происходит в стране. Когда ты смотришь на то, что происходит в России, на то, как там расцветают все партии — от анархистов до монархистов, — то как-то странно видеть, что некоторых романистов до сих пор все еще считают врагами государства. Это и странно, и смешно. Мы очень здесь удивлялись тому, почему Горбачев столь нерешителен, тем более что на него оказывали давление интеллигенция, творческие круги, журналисты. Событие это не лишено сильного привкуса горечи — ведь справедливость восторжествовала лишь десять лет спустя. Но, впрочем, это уже в наших российских традициях. Однако справедливость восторжествовала. Я воспринимаю это как акт извинения, формальный акт извинения от лица нынешних руководителей государства, хотя они сами и не участвовали в той брежневской акции. Второй важный момент — этой мерой новые руководители России еще раз отмежевались от прошлой тоталитарной практики.

— Размышляя над тем, почему государство не совершило давно назревший акт справедливости сразу и для всех, а предпочло метод «через час по чайной ложке», я склоняюсь к такой версии: сейчас страну нашу захватывают отрицательные эмоции, жизнь пропитана драматическими коллизиями, и вот по-человечески хочется разбавлять ее, елико возможно, приятными новостями. Акт справедливости в отношении к цвету русской культуры, грубо вышибленному за пределы родины, — из их числа. Вот кто-то наверху и решил продлить это удовольствие, растянуть его во времени, запамятовав, что подобная роскошь позволялась опять-таки за счет жертв несправедливости.

Я не исключаю и того, что здесь шла большая игра. Но в общем-то, честно говоря, эта сторона дела меня не касается. Мне это не важно, ибо я в политической игре не участвую. Мы все думали лишь об одном — почему это так долго тянулось? Казалось, все ясно. Уже начали печатать произведения Солженицына, мои, других писателей-эмигрантов. Наши романы стали чуть ли не хрестоматийными. А власти все еще не решались вернуть нам гражданство. Мне лично кажется, что в это дело были вовлечены личные амбиции некоторых людей. Я имею в виду тех, кто в течение многих лет осуществлял все эти позорные акции против нас. Ведь эти люди по-прежнему сидят, например, в органах Госбезопасности.

— Я с этим абсолютно согласен. Ситуация складывается весьма странная. Перед вами извиняются, восстанавливают справедливость, а тех, кто творил беззаконие, не наказывают. Есть вина, но нет виновных.

(Окончание на стр. 15)